

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 301 (Дар)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АНДО-ЦЕЗСКИХ НАРОДОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

М. М. Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье описаны этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки андо-цезской группы, особенности их этнической самоидентификации, индикаторы общедагестанской идентичности и межнациональная толерантность.

The article reveals the ethnointegrating and ethnodifferentiating signs of the Ando-Tsez group, the peculiarities of their ethnical self-identification, the signs of Daghestan identity in general, and national tolerance.

Ключевые слова: идентичность; идентификация; межнациональные контакты; этническая толерантность и интолерантность; этничность.

Keywords: identity; identification; international contacts; ethnical tolerance and intolerance; ethnic.

Идентичность – понятие, имеющее в науке различное смысловое толкование. В самом общем плане идентичность – это интегративное многоуровневое понятие, подразумевающее различия как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Индивиды воспринимают свою идентичность как то, что отличает их от других людей. Точно так же идентичность социальных групп зависит от групповых различий в релевантном социальном контексте. Важнейшей составляющей интегративной идентичности является этническая идентичность [1].

В современный период проблема этничности приобретает большое значение и предпринимаются попытки выделить структурные элементы этнической идентификации: общность культуры, исторический и современный опыт, а также представления об общем происхождении – в принципе, на чем основывается осознание идентичности. При этом необходимо учитывать, что культурным признакам присуще варьирование в зависимости от применяемого понятия культуры, а также что весьма уязвимы и определения совместного исторического и современного опыта.

По мнению В.А. Тишкова, под этнической идентификацией имеется в виду чувство групповой принадлежности по культурным признакам, и «это ни в коей мере не одно и то же, что этническое самосознание» [2].

Сам по себе набор культурных черт, составляющих этническую общность, крайне неоднороден и исторически подвижен. Основной вопрос заключается в том, как возникает идентичность: из доступных современных материалов и аргументов, включая внешние воздействия, или из неких более глубоких структур и из передаваемой с раннего детства информации.

В отечественной и зарубежной психологии накоплен определенный опыт по теоретическому и экспериментальному исследованию особенностей восприятия и познания людьми друг друга в условиях межэтнического общения. Имеющиеся исследования по проблемам идентичности крайне обширны, и в последние десятилетия они пережили значительную эволюцию, особенно под влиянием конструктивистских и постмодернистских подходов.

Этническую идентичность можно рассматривать как важнейшую основу внутрigrуппового и межгруппового взаимодействия и призму, через которую преломляется окружающий мир. В качестве основной теоретической предпосылки исследования стало признание того, что этническая идентичность, будучи социально обусловленным конструктом, имеет свойство трансформироваться в зависимости от конкретных социально-политических реалий и варьирует в широком диапазоне от гипо- до гиперидентичности. Крайние формы изменения позитивной этнической идентичности одинаково опасны для межэтнических отношений, они

нарушают коммуникативный баланс между взаимодействующими этническими общностями, с одной стороны, и нивелируют культурное своеобразие этноса – с другой.

Для оценки изменений этнической идентичности представителей различных этнических групп была использована шкала показателей, предложенная в исследованиях Г.У. Солдатовой. Крайние позиции используемой шкалы включали: а) «отрицание» идентичности, при котором фиксируется негативное отношение к собственной этнической группе; б) гиперидентичность, граничащую с этническим фанатизмом, который отличается выраженной нетерпимостью к представителям других этнических групп. Этничность, способствуя этнической интеграции, одновременно оказывает влияние на развитие дезинтеграционных тенденций в полиэтничном обществе в целом. Она выполняет функцию культурной отличительности, но этнические границы становятся более плотными и искусственными, когда этнокультурная вариативность групп сменяется нарастанием противоречий в их требованиях. В этом случае этническая граница представляет уже линию столкновения этничностей. Из оборонительной, защитной она способна превращаться в психологический инструмент отчуждения и этнической дезинтеграции в обществе. На основе социально-перцептивных механизмов, регулирующих межгрупповое восприятие, происходит накопление негативной информации, избирательность восприятия на этносоциальной основе, уменьшение внутригрупповых и усиление межгрупповых различий, генерализация эмоций по этническому критерию, перенос ответственности и вины на другую группу и внешние обстоятельства, переоценка различий в культуре. А естественная любовь к своему народу трансформируется в политическую доктрину этнонационализма, поддерживаемую массами [3].

В ситуации существования межнациональной напряженности внутренняя связь между позитивной групповой (этнической) идентичностью и аутгрупповой (межэтнической) толерантностью может распадаться или становится обратной. При возникновении интолерантности актуализируются механизмы социальной перцепции, направленные на восстановление позитивной этнической идентичности, а вслед за ней – и этнической толерантности. По мнению Н.М. Лебедевой, «...следствием нарушения связи между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью являлся кластер показателей, получивший название «синдром навязанной этничности», главным ядром которого была чрезмерная («навязчивая») акцентированность этнической принадлежности, этничности» [4].

Этническая толерантность, как явление социальной перцепции, понимается как отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, а точнее – наличие позитивного образа за иной культурой при сохранении позитивного восприятия своей собственной. Иными словами, этническая толерантность не является следствием ассимиляции как отказа от собственной культуры, а является характеристикой межэтнической интеграции, для которой характерно «принятие» или позитивное отношение к своей этнической культуре и к этническим культурам групп, с которыми данная группа вступает в контакт. Под этим углом зрения явление этнической интолерантности (или неадекватности группового восприятия) представляет собой преимущественно негативное восприятие иной этнической культуры при сверхпозитивном восприятии собственной.

Н.М. Лебедева, основываясь на концепции Д. Берри и М. Плизента и на своих собственных исследованиях, делает вывод о том, что «позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности» [5]. Она (позитивная этническая идентичность. – М.Ш.) проявляется в виде позитивного образа «мы – они», включая их этнокультурные особенности, чувства сплоченности, эмоциональной приверженности группе и общей удовлетворенности ее представителей своей этнической принадлежностью.

В данной статье анализируются особенности проявления этнической идентичности и этнической толерантности андо-цезских народов. Основным методом исследования явился социологический опрос.

Характеристика выборки социологического исследования. Социологическое исследование по изучению этнического самосознания малочисленных народов проведено в 2011 г. в районах их компактного проживания: Ахвахский район (с. Карата, Тадмагитль), Ботлихский район (сс. Ботлих, Гагатли, Верхнее Годобери), Бежтинский участок (сс. Бежта, Гунзиб), Цунтинский район (сс. Кидеро, Гутатли, Генух, Зехида), Цумадинский район (сс. Верхнее Гаквари, Тинди, Хонох, Хварши, Тинди, Хуштада), Чародинский район (с. Арчиб), Хасавюртовский район (с. Муцаул), г. Хасавюрт.

Вопрос о том, что значит быть представителем своего этноса, является ключевым в исследовании. При всей своей очевидной простоте он оказался далеко не столь простым, как мог показаться на первый взгляд. Существует многообразие подходов представителей тех или иных народов к самоидентификации, вытекающих из уровня их культуры, жизненного опыта, психологических особенностей и т.д.

Респондентам был задан вопрос: «**Какие признаки сближают Вас с людьми вашей национальности?**». Как показало исследование, наиболее значимыми этноинтегрирующими признаками для опрошенных являются: «**национальный язык**» (64.4%), «**национальные традиции, обычаи, обряды**» (62.1%), «**религиозная принадлежность**» (58.4%), «**совместная жизнь на данной территории**» (32.1%), «**национальная одежда, жилище, быт**» (30.9%), «**общность характера, схожесть поведения**» (29.8%). Менее популярными оказались этноопределители «**традиционное хозяйство моего народа**» (20.4%) и «**национальная литература, народное**

Распределение респондентов по основным характеристикам

	Национальность	
	Количество опрошенных (чел.)	% от общего числа опрошенных
Андейцы	165	11.4
Арчинцы	81	5.7
Ахвахцы	118	8.1
Багулалы	61	4.2
Бежтины	91	6.3
Ботлихцы	100	6.9
Годоберинцы	92	6.5
Генухцы	87	6.0
Гунзибцы	92	6.3
Дидойцы	150	10.3
Каратинцы	106	7.3
Тиндинцы	77	5.3
Чамалалы	85	5.9
Хваршины	145	10.0
Всего	1454	100
Образование		
Ниже среднего	59	5.3
Среднее	647	41.5
Среднее специальное	351	24.2
Высшее и незаконченное высшее	366	29.0
Всего	1423	100
Возраст		
До 29 лет	450	31.1
От 30 до 39 лет	444	30.7
От 40 до 49 лет	301	20.8
От 50 лет и выше	252	17.4
Всего	1447	100
Отношение к религии		
Верующие	1384	93.0
Неверующие	52	7.0
Всего	1384	100
Социальное положение		
Служащий	368	25.3
Работник физического труда	130	9.0
Безработный	363	38.8
Другое	391	26.9
Всего	1452	100
Семейное положение		
Женат (замужем)	1043	72.1
Вдова (ец)	53	4.5
Холост (не замужем)	360	23.4
Всего	1456	100

творчество, сказки, народные песни, предания» (17.5%). В общественном сознании чамалалов, годоберинцев, андийцев, багулалов, гунзибцев в процессе самоидентификации «**религиозная принадлежность**» превалирует над собственно этническими маркерами – 86.3%, 82.6%, 77.0%, 70.0%, 67.6% соответственно.

С целью более глубокого исследования этнической идентичности респондентам был задан вопрос: «**Что необходимо учитывать в первую очередь при определении национальности человека?**». Основными маркерами этнической принадлежности являются: «**национальный язык**» (48.6%) и «**национальность отца**» (47.5%), «**самосознание человека (к какой национальности он себя относит)**» (30.4%), «**особенности поведения, мышления**» (26.2%) и «**национальность матери**» (7.2%). По этнической принадлежности значимым критерием для бежтин (46.2%), андийцев (52.0%), хваршин (54.5%), ахвахцев (58.5%), гунзибцев (66.3%), чамалалов (70.0%), каратинцев (100%) является «**национальный язык**»; арчинцы (53.1%), цезы (58.0%), генухцы (79.3%) указали на «**самосознание человека (к какой национальности он себя относит)**». Важным для тиндинцев (40.3%) являются «**особенности поведения, мышления**».

На уровне обыденного сознания для индивида характерна идентификация по более простым критериям, в частности по этнической принадлежности родителей, поэтому «**национальность отца**» актуальна для представителей трех народов андо-цезской этнической общности: багулалы, ботлихцы (по 70.0%) и годоберинцы (58.6%). Годоберинцы последовательны в своих позициях, поэтому «**национальный язык**» как индикатор при определении национальности человека у них равен 17.4%, уступив место другим признакам.

Для выявления места этнической идентичности в структуре самосознания предлагалось указать «кто я?». Для нас ценность представлял тот факт, насколько часто опрошенные называют этническую («я – андиец» т.д.) или гражданскую самоидентификацию («я гражданин – России»), ибо они (этническая и гражданская идентичности) – важные показатели формирования новой общности. Представители андо-цезской

группы отметили, что они ощущают себя на территории Республики Дагестан «представи-

телем дагестанского народа» (39.6%), «представителем своего и аварского народа» (28.1%), «россиянином» (16.9%) и «представителем только своего народа» (14.2%). Наибольшая доля отметивших последний вариант среди генухцев – 71.3% и заметно ниже у других групп – по 19.5% ахвахцев и тиндинцев, 18.6% хваршин и 16.0% ботлихцев. Позиция «представителем дагестанского народа» близка андийцам (54.5%), цезам (54.0%), бежтинам (51.6%), ахвахцам (44.1%), арчинцам (43.2%), ботлихцам (42.0%) и тиндинцам (39.0%). Приоритетным в общественном сознании 72.6% каратинцев, 66.7% багулалов, 52.5% чамалалов, 49.0% хваршин и 39.0% ботлихцев является двойная идентичность – «представителем своего и аварского народа». Далее 46.7% гунзибцев, 31.3% цезов, 29.9% тиндинцев, 26.1% годоберинцев и 19.5% андийцев ощущают себя на территории республики «россиянином», и данное суждение для них по значимости занимает второе ранговое место после варианта «представителем дагестанского народа».

Для выявления глубины общедагестанской идентичности респондентам был задан вопрос: «Можно ли утверждать, что представители Вашей национальности по своему характеру...» и предложены варианты ответов. Опрошенные придерживаются позиций «точно такие же, как представители других национальностей Дагестана» (39.4%) и «по характеру немного другие» (46.9%); 13.3% придерживаются мнения «мы люди совершенно другого характера». Первая позиция близка каратинцам (100%), генухцам (82.8%), арчинцам (55.6%), цезам (48.0%), тиндинцам (44.2%); вторая – багулалам (75.0%), годоберинцам (71.7%), ботлихцам (61.0%), чамалалам (66.3%), андийцам (55.8%), хваршинам (53.8%), бежтинцам (46.2%), гунзибцам (41.3%) и с небольшой разницей 38.0% их придерживается первого суждения, ахвахцам (39.0%). Суждение «мы люди совершенно другого характера» близко ахвахцам (28.8%), ботлихцам (26.0%), тиндинцам (20.8%) и бежтинцам (17.6%). Если в предыдущем вопросе респонденты отдали предпочтение региональной идентичности, то в этом вопросе для них характерно превалирование собственно этнической идентичности над общедагестанской. «Противопоставление» одной этнической общности другой сразу же наталкивается на осознанное стремление к самоидентификации через суждение «немного другие», показывая тем самым, что они самобытный народ со своими этническими особенностями.

Возрастными категориям «от 40 до 49 лет», «до 29 лет», «от 50 лет и выше» ближе позиция «немного другие» – 45.2%, 49.1% и 57.1%, соответственно; «точно такие же, как представители других национальностей Дагестана» – респондентам в возрасте от 30 до 39 лет (45.7%).

Проблема возникновения региональной идентичности может быть объяснена в терминах концепции кризиса социальной идентичности. Массовое ощущение утраты социальной идентичности, возникшее вследствие разрушения системы устойчивых социальных ролей и статусов советского общества, породило потребность в соответствующей компенсации. В ситуации кризиса идентичности преимущественно описательные признаки личности, как наиболее явно фиксируемые и устойчивые, становятся тем «якорем», опираясь на который человек пытается найти свое место в новой системе социальных координат. К числу подобных признаков можно отнести территориальность, определяющую человека по месту его проживания.

Наше исследование показало актуализацию этнической идентичности у андо-цезов, проявляющуюся в форме осознания себя в первую очередь представителем дагестанского народа, затем во множественной идентичности, при низком проявлении у них гражданской идентичности. Этническая идентичность андо-цезской группы характеризуется противоречивостью, проявляющейся, с одной стороны, в превалировании региональной идентичности над собственно этнической, с другой – в осознании себя как самостоятельной этнической общности, с присущим ей отличительным набором качеств, психическим складом, особенностями национальной культуры. Видимо, длительность совместного проживания на относительно небольшой территории обуславливает приоритетность в общественном сознании этих народов общедагестанской (региональной) идентичности.

Компонентом «этническая солидарность» является выраженная потребность в принадлежности к своему народу. Это важный психологический элемент этнической консолидации, определяющий степень единства этнической группы. По нашему исследованию, осознание себя представителем своего народа предполагает «знание и соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа», т.е. респонденты акцентируют внимание на родословных корнях.

Этническая идентификация, осознание своей национальной принадлежности у каждого человека связаны с целым комплексом стереотипов, основанных на практическом, жизненном опыте, как позитивном, так и негативном, книжных знаниях, эмоциональных ассоциациях. Генетическая связь со своим этносом, безусловно, играет ключевую роль в процессе самоидентификации. При этом внутреннее самоощущение общности со своим этносом более

важна, чем навязанная идентичность, восприятие окружающими в качестве представителя малочисленного народа. Следует отметить, что этническая самоидентификация подразумевает, что человек, ощущающий себя, например, андийцем, цезом, ботлихцем и т.д., должен и вести себя как андиец, цез или ботлихец, следуя традициям и обычаям, передаваемым из поколения в поколение, иными словами, народная память выполняет здесь определенную роль. И менее всего важно, воспринимают ли представители иных народов тебя в качестве представителя того этноса, который ты представляешь. Ощущение себя представителем малочисленного народа, скорее всего, подпитывается внутренними ресурсами, хранимыми в народе традициями, нежели внешними факторами, связанными с противопоставлением другим. Таким образом, консолидация становится более приоритетной, чем отчуждение. Скорее всего, этим внутренним побуждением объясняется существование этносов, мотивация сохранить свою самобытность, несмотря на отсутствие какой-либо политики республиканских органов власти, направленной на сохранение этнического своеобразия этих народов.

Результаты эмпирических исследований демонстрируют, что отрицательная характеристика этнической общности может совпадать с осознанием ситуации как напряженной, конфликтной, и в этом контексте необходимо уделить внимание изучению межнациональных установок, в частности, стереотипов, убеждений и предрассудков. Межэтнические установки характеризуются эмоционально-оценочным отношением к иным этническим образованиям.

В структуре этнической идентичности одно из важнейших мест занимает процесс стереотипизации, т.е. этнические стереотипы (автостереотипы и гетеростереотипы). Этностереотип характеризует выработанные в пределах этнической общности нормы поведения и ценности, устойчивые во времени, передающиеся от поколения к поколению и закрепленные на уровне обыденного сознания в повседневной деятельности. Они непосредственно влияют на отношения между представителями различных народов, «детерминируя процессы восприятия и интерпретации, этнические стереотипы обретают самостоятельное социально-психологическое существование в ситуациях межэтнического общения и занимают определенное место в коммуникативно-познавательной деятельности личности. Такой статус этнические стереотипы приобретают за счет как их предметного и смыслового содержания, так и эмоционально-оценочного характера, силу особого качества отражать определенное отношение к этническим объектам» [6]. Исследователи связывают возникновение и функционирование этнических стереотипов с определенным типом причинной интерпретации поведения представителей различных этнических групп.

Этнический стереотип составляет ту часть системы психологических знаний о мире, которая отражает различия между народами. На основе дихотомии «мы – они» в его структуре выделяются два основных компонента: **автостереотип** – совокупность атрибутивных признаков действительных или воображаемых специфических черт собственной этнической группы, т.е. оценочные суждения, относимые к собственной этнической общности, ее представителями и **гетеростереотип** – совокупность атрибутивных признаков других этнических групп, т.е. совокупность оценочных суждений о других народах. Надо отметить, что автостереотип и гетеростереотип не автономные единицы, а структурные взаимозависимые компоненты единого целостного образования личностного или группового самосознания. Автостереотипы более благоприятны, чем гетеростереотипы.

При исследовании этнических стереотипов мы попытались проанализировать автостереотипы через группу признаков «*Черты характера*», исследовать, насколько процесс идентификации находится под влиянием позитивных или негативных атрибутов. Андо-цезской группе при оценке качеств аварцев свойственно выделение у них позитивных этнических гетеростереотипов: *гостеприимные* (77.7%), *трудолюбивые* (73.7%), *честные* (72.3%), *гордые* (66.9%), *справедливые* (65.1%), *умеющие дружить* (65.3%), *свободолюбивые* (65.1%), *патриотичные* (62.6%), *соблюдающие обычаи и традиции* (62.0%), *сплоченные* (61.2%); заметно снижаются позиции гетеростереотипов *терпеливые* в отношении других народов (58.9%) и *культурные* (53.9%).

Превалирование в автостереотипе позитивных суждений над негативными демонстрирует идентификацию респондентов со своим собственным народом. При этом перечисляются практически все положительные качества. Набор отрицательных качеств традиционный (*нечестные, негордые, нетрудолюбивые, негостеприимные, некультурные, непатриотичные, несоблюдающие обычаи и традиции, нетерпеливые в отношении других народов, несправедливые, несплоченные*), но доля негативных суждений о своем народе, по сравнению с положительными автостереотипами, незначительна. Чуть больше половины опрошенных цезов считают свой народ негордым (50.7% против 48.0%), и они наиболее самокритичны. Наибольшее количество негативных гетеростереотипов у аварцев выделили цезы (7) и гунзибцы (9).

В нашем исследовании выявлено свойственное опрошенным этносам позитивное восприятие своей этнической группы, за редким исключением наделяния представителей своего народа отрицательными качествами. Надо отметить, что в опросе в полной мере не проявили себя этнические стереотипы, и респонденты, за редким исключением, оценивали качества иных этносов, даже рядом проживающих.

Преобладание положительной групповой оценки свидетельствует о развитом чувстве «мы» и устойчивой идентичности опрошенных. Более того, резкое преобладание позитивных автостереотипов при почти полном отсутствии негативных демонстрирует активацию механизмов социально-психологической защиты. Преобладание негативного оценочного признака служит показателем нарушения позитивной идентичности членов группы, размывания чувства «мы».

Исследование показало, что автостереотипы андо-цезских народов преимущественно позитивные, с малой долей негативных показателей, что является нормой и говорит в целом о положительной идентичности опрашиваемых. Тем не менее в ответах усматривается отношение к самим себе с определенной долей самокритики. Также надо отметить, что общественному сознанию цезов присуще, в отличие от других опрошенных народов, проявление гиперэтничности, в частности в анкетах, заполненных цезами, от руки дописано «я – дидойка (ец) и горжусь этим».

Отношение к своей национальной принадлежности может носить разную эмоциональную окрашенность – от позитивной, негативной до нейтральной. По результатам нашего исследования, этническая идентификация андо-цезской группы достаточно устойчива и носит позитивную направленность, ибо опрошенные выразили удовлетворение своей национальной принадлежностью, а процент придерживающихся противоположного суждения и наделяющих свою общность отрицательными качествами невысок.

Наиболее значимыми этноинтегрирующими признаками для андо-цезских народов с аварцами являются: «*религиозная принадлежность*» (57.8%), «*общая территория проживания*» (41.1%), «*схожесть традиций и обычаев*» (37.5%) и «*язык*» (32.5%). Далее следуют «*общее историческое прошлое, историческая память*» (12.4%) и «*национальная одежда*» (11.5%). По всему массиву отметивших позицию «*ничего не объединяет, мы самостоятельный народ*» 6.1%. Последнего мнения придерживаются 19.8% бежтин, 14.1% гунзибцев, по 12.7% андийцев и ахвахцев, 8.1% арчинцев. Доля считающих себя самостоятельным народом меньше всего среди генухцев (1.1%). Если при самоидентификации респонденты указали на значимость национального языка, то при идентификации с аварцами превалирует религиозная принадлежность и, несмотря на то что практически все андо-цезские народы владеют аварским языком, данный маркер занимает третье место по важности, уступив место маркеру «*традиции и обычаи*».

На вопрос: «*Аварцы Вам близки по характеру, темпераменту, образу жизни?*», по всей совокупности опрошенных, в общественном мнении преобладает позиция «*очень близки*» (44.7%), «*средне близки*» (34.5%) и «*очень далеки*» (4.3%). Как видно из приведенных результатов опроса, в общественном мнении андо-цезских народов превалирует позиция «*очень близки*», которая, надо полагать, объясняется объективными, историческими факторами, взаимовлиянием и взаимосвязью культур, длительными межэтническими связями. «*Очень далеки*» аварцев считают 10.3% андийцев и 10.0% ботлихцев.

Индикаторами позитивной этнической идентичности и толерантности служили положительные ответы респондентов на вопросы о готовности вступать в дружеские и деловые контакты с людьми других национальностей, а также суждения, свидетельствующие о позитивном отношении не только к собственной, но и к другим этническим группам и культурам. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что этническая граница как социально-психологическое образование отражает внутреннее видение группой пределов ареала своей культурно-психологической отличительности и свободы. Представления о границах, возникая в головах людей, отражают психологическую дистанцию не только между этническими группами, но и внутри групп и воплощаются в реальной практике межэтнических отношений.

Этническая граница в качестве концепта феноменологического поля межэтнической напряженности – это психологический результат универсальной для всего живого на земле тенденции разделять мир «на своих» и «чужих», в нашем контексте – на основе этнической принадлежности. В нашем случае, несмотря на кажущееся разделение в общественном сознании на «своих» и «чужих», массовое сознание дагестанских народов характеризуется существованием двух разнонаправленных тенденций: 1) этническая толерантность (общность по территориальному признаку, убежденность, что национальная и религиозная принадлежность не разделяет людей, позитивная этническая идентичность, неагрессивность); 2) этническая интолерантность, или национальный эгоизм (негативные гетеростереотипы отдельных

народов, убежденность в том, что «коренные» народы должны иметь преимущество, опыт этнической дискриминации, негативная этническая идентичность, установки на агрессию).

Важно отметить, что толерантность тесно связана с позитивной этнической идентичностью, а интолерантность – с негативными компонентами этнической идентичности и наличием в прошлом ущемленности по этническому признаку. В нашем опросе респонденты указали в качестве народов, с кем «приятно общаться, дружить, поддерживать добрососедские отношения» аварцев (64.9%), даргинцев (31.3), русских (25.1%), лакцев (15.9%) и кумыков (15.7%). Этническая интолерантность сильнее всего проявляется в отношении групп с отличающейся культурой и религией, но, как видно из результатов опроса, в отношении русских в нашей республике она проявляет себя довольно слабо.

Выводы: 1) для андо-цезской группы характерна позитивная этническая идентификация, проявляющаяся в выделении положительных автостереотипов и гетеростереотипов; 2) полученные результаты являются основанием для вывода о том, что позитивная этническая идентичность (позитивные автостереотипы и позитивные чувства, связанные с этничностью) будет способствовать формированию этнической толерантности в поликультурном регионе, в то время как негативная этническая идентичность (негативные чувства, связанные с этничностью) и опыт этнической дискриминации – формированию интолерантных установок; 3) основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность, а негативные компоненты этнической идентичности приводят к этнической нетерпимости. Необходимо, чтобы интерес к культуре своего народа способствовал формированию позитивной этнической идентичности, а не муссировал тему взаимных прошлых обид, опыт национального унижения, дискриминации и т.д., поскольку это – негативные компоненты этнической идентичности, лежащие в основе этнической интолерантности; 4) в ходе анализа обозначено своеобразие проявления разных уровней идентичности, в частности, в общественном сознании андо-цезских народов слабо проявила себя гражданская идентичность и удельный вес идентифицирующих себя с гражданами своего государства невысок, т.е. гражданская идентичность заметно уступает позиции этнической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коновалова А.В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов н/Д, 2007. С. 119.
2. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2002. С. 144.
3. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 37.
4. Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 12.
5. Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 109.
6. Солдатова Г.У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение. М., 1988. С. 111–112.

Поступила в редакцию 13.11.2010 г.
Принята к печати 26.06.2012 г.